

В. НАГЕЛЬ

Анна Ахматова

(Литературный силуэт)

Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

Этот эпитафия как нельзя больше подходит ко всей поэзии Анны Ахматовой. Две книги поэтессы «Вечер» и «Четки», из которых первая почти целиком перепечатана во второй, являются собой в современной русской поэзии почти исключительное явление, как по оригинальности своего особого внутреннего содержания, так и по форме, в которой стихи ее воплощены.

Стихи Ахматовой полны какой-то строгой, сдержанной интуиции, точно что-то очень важное и, быть может, самое ценное не договорено, но намеки, разбросанные в недлинных, сдержанных стихотворениях, говорят о д-у-ш-е поэтессы, душе навеки оскорбленной и не жалующейся, душе притаившейся и постепенно, но скупно раскрывающейся навстречу воспоминаниям.

Какой мотив преобладает в поэзии А. Ахматовой? Конечно, любовь; любовь непонятая, отвергнутая, забытая. Любовь, как цветок, который тянется к солнцу, но ранние морозы неожиданно убили его, и он вянет, засыхая.

Любви удовлетворенной, смеха счастливого, улыбки радостной поэзия Ахматовой не знает, и кажется, что в темный шелк кудрей вплетены ранние, серебристые пряди.

Почти все в прошлом... Но нет ни злобы, ни презрения в стихах Ахматовой к тому (или тем), кто растоптал ее нежную, любящую душу. Только печаль, только тихая грусть и нежность. И когда вспоминает она о любимом своем, на бумаге остается следующий шедевр — маленький, такой изящный, так искусно сделанный:

Он любил три вещи на свете:
 За вечерней пенью, белых павлинов
 И стертые карты Америки.
 Не любил, когда плачут дети,
 Не любил чая с малиной
 И женской истерики.
 ...А я была его женой.

Стихи Ахматовой, такие на первый, невнимательный взгляд примитивные, по более глубоком рассмотрении оказываются тщательно отделанными, и не знаешь, где кончается подлинный порыв вдохновения и где начинается тонкая, ювелирная отделка великолепного мастера.

Рифмы у Ахматовой всегда неожиданные и звучные, а размер до такой степени бывает слит с внутренним содержанием пьес, что не представляешь себе то или иное стихотворение написанным каким-либо другим размером или вылившимся в какой-нибудь иной форме.

Любит Ахматова ассонансы (неполные рифмы). Так хорошо идут они к ее беспомощным, коротким, сжатым строчкам, и, быть может, поэтому так ярко и выпукло бросается в глаза в творчестве поэтессы гармония содержания с формой.

Бросается в глаза в творчестве Ахматовой и еще несколько характерных, ей одной присущих черт: в нем какая-то обреченность, дымка мистической фатальности, безгневное прощение врагам и умение высказать сильную, оригинальную мысль коротким, сжатым афоризмом.

Она покорна любимому, она делает все, что он прикажет ей...

Он так хотел, он так велел
 Словами мертвыми и злыми...

и через две строчки она, в «предсмертной летаргии», твердит:

И нет греха в его вине,
 Ушел, глядит в глаза другие...

а ведь он причинил ей боль, горе, страдание; ведь по его вине ее

... рот тревожно заалел
 И щеки стали снеговыми.

Но она не винит никого. Она знает, что это предопределено, это фатально и неизбежно:

Должен на этой земле испытать
 Каждый любовную пытку.

Анна Ахматова много знает, чего не знаем мы, забывающие в суете будней о красоте и подвиге страдания, очищающего все в этом мире. И горькое знание, доставшееся ей в удел, — это тяжелый крест на ее Голгофе. И когда она с горестью восклицает:

О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...

ей можно поверить, ибо каждая строчка из ее стихов питает в нас эту уверенность об обманах верующего, женского сердца.

И когда на пути, многотрудном и тяжелом, где на каждом шагу усталое сердце подстерегают обиды «хитрого, черного обидчика», Анна Ахматова рассказывает:

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах,
Заведут и кукую.
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу...

в душе поселяется какая-то особенная нежность к поэтессе, не оставляющая вас и далее по пути странствования по ее книгам.

Все чаще и чаще к концу ее последней книги «Четки» мелькают бледные узоры, вышитые бессильной, усталой рукою по канве смерти.

Но даже и смерть, которую Федор Сологуб показал нам Матерью-Успокоительницей, а Эдгар По такой пугающе страшной, Анна Ахматова сумела сделать ж-и-з-н-е-н-н-ы-м явлением, завершающим наши земные подвиги, нашу «горькую славу».

Она умирает из-за любви. Голубое небо застлано густым, безнадежным туманом. И она, зная, что нужно умереть, умрет так же спокойно, как до сих пор мучилась, страдала и терпела. Ее разлюбили. И она с горечью, цены которой нет и быть не может, тихо, раздумчиво восклицает:

Сколько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.
И я стану — Христос помоги —
На покров этот светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки.

И не в силах удержаться от горькой иронии над тем, кого она считала «мудрым и смелым», поэтесса продолжает в том же спокойном, эпизодическом тоне, так импонирующем всему ее поэтическому облику, ясному и четкому:

Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, *мудрый и смелый*¹
В биографии славной твоей
*Разве можно оставить пробелы?*²

Стихотворение это, одно из лучших в книге, заканчивается следующими двумя строчками:

Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой,

так много дающими материала для критической характеристики творчества Анны Ахматовой.

Но смерть для поэтессы это не успокоение, влекущее усталые сердца в nirvanу, а тяжелая, — увы! — фатальная необходимость.

И прежде, чем умереть, она, придя к возлюбленному, пробует отклонить неизбежное, отвести угрожающую руку, повисшую в воздухе. Она умоляет его:

У тебя светло и просто.
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода.

Но он, вероятно, оттолкнул ее, и «судьбы свершился приговор».

Вообще смерть занимает в поэзии Анны Ахматовой видное место. Она знает, что

Только смерть — большое торжество

и потому каждую минуту готова уйти из жизни. Она, думая о смерти, почти мимоходом бросает:

Мне не страшно. Я ношу на счастье
Темно-синий шелковый шнурок.

Уходя за пределы жизни, отдаваясь объятиям смерти, поэтесса спокойно пишет:

В этой жизни я немного видела;
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Смерть и любовь. Любовь и смерть.

Когда часто обманывавшееся и оскорблявшееся сердце снова забьется, и снова, в сотый раз, его сжимает сладкое чувство любовного дурмана, женщина, простая и ясная, о которой так неискусно и, вместе с тем, так искусно рассказывает Анна Ахматова, ничего не видит... ничего не знает...

Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

Любовь, приносящая с собой бессонницу, муку и глубокую горечь, начинается так просто.

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня
Там за сердцем я *не уследила*,
И его украли у меня³.

Но и кончается она также обидно просто и скоро. Она знает, кто похитил ее чуткое, ее нежное сердце... И печально говорит:

Ах! Не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам,
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

Поэтесса замечает все извилины, все нюансы этой сложной, этой загадочной вещи, именуемой любовью. И искренность она умеет отличать от фальши и притворства.

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви —
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои.

Но душа, посмевавшая полюбить, сталкиваясь с ложью, уходит с гор обмана в долины мечты. И, видя душу возлюбленного сухой и черствой, все же тянется к нему:

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.
Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других.

Предо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.

Но чем стихи Анны Ахматовой особенно оригинальны и что отличает ее книги, пользующиеся большим, шумным успехом, от сотен книг стихов других авторов, — это элемент специфически женского, окрашивающий ее творчество в колорит, свежий и запоминающийся.

О, она ничем не побрезгует для достижения любви своего сухого, черствого, наглого и злого любовника. К тысячам мелких женских уловок прибегает она, чтобы привлечь, завоевать непокорное сердце мужчины.

Ты куришь черную трубку;
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
*Чтоб казаться еще стройней*⁴.

И когда уже ясно определилось, что сегодня сказка любви окончилась и что завтра все будет серо, скучно и буднично, она все же готовится к следующему дню, ожидая чуда. И сама, замечая эту женскую странность в себе, говорит:

И туго косы на ночь заплетя,
*Как будто завтра нужны будут косы*⁵,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

М. Кузмин в предисловии к первой книге стихов Ахматовой «Вечер» (1912) писал: «Сударыни и судари! К нам идет новый, молодой, но имеющий все данные стать настоящим, поэт. А зовут его — Анна Ахматова». И М. Кузмин не ошибся. Прошло 5 лет, и в лице Анны Ахматовой мы видим большого, настоящего, оригинального поэта. Книги ее (их пока только две: анонсируется третья — «Белая стая») выходят все новыми и новыми, повторными изданиями, и читающая публика раскупает их, упиваясь стихами ее, как вином, легким, дурманящим и пряным.

